

Предисловие

Эта книга написана как отклик на положение, в котором оказалась Америка в 1968 году. Она родилась из убеждения, что мы находимся на распутье: одна дорога ведет если и не к гибели в термоядерной войне, то уж точно к полностью механизированному обществу, в котором человек — беспомощный винтик машины; другая — к возрождению гуманизма и надежды, к обществу, которое поставит технику на службу человеку.

Эта книга призвана прояснить суть дела тем, кто еще не осознал достаточно ясно стоящей перед нами дилеммы; это призыв к действию. Она основана на убеждении, что мы способны найти необходимые решения с помощью разума и благодаря страстной любви к жизни, а не через иррациональность и ненависть. Она адресована широкому кругу читателей с различными политическими и религиозными представлениями, если только эти люди разделяют озабоченность за сохранение жизни и уважают благоразумие и истинность.

Как и во всех моих предыдущих работах, в этой книге предпринимается попытка провести грань между индивидуальной и социальной реальностью и идеологиями, которые злоупотребляют

ценными идеями, приспособивая их для поддержания status quo. Для многих представителей молодого поколения, принижающих ценность традиционной мысли, я хотел бы подчеркнуть, что, по моему убеждению, даже наиболее радикальное усовершенствование должно иметь связь с прошлым; что мы не можем двигаться вперед, отбрасывая наилучшие достижения человеческого разума, и — что недостаточно быть просто молодым!

Поскольку в этой книге обсуждаются те же темы, которые я рассматривал в различных своих произведениях на протяжении последних сорока лет, мне не удастся избежать повторного упоминания многих идей. Но они по-новому сгруппированы вокруг центральной темы: поиска альтернатив дегуманизации. Однако в книге содержится и много новых идей, выходящих за пределы моих прежних размышлений.

Поскольку я пишу для широкой аудитории, я сократил цитирование до минимума, однако я процитировал всех авторов, оказывавших влияние на мое мышление в процессе написания книги. Как правило, я также не делал ссылок на те из своих книг, которые прямо связаны с рассматриваемым здесь материалом. Имеются в виду в основном такие книги, как «Бегство от свободы» (1941), «Человек для себя» (1947), «Здоровое общество» (1955), «Душа человека» (1964).

Общий подход, принятый в книге, отражает характер основной из обсуждаемых здесь проблем. И хотя так оно и должно быть, временами это может создавать для читателя некоторые трудности.

В работе предпринимается попытка свести вместе две проблемные области, обычно рассматриваемые порознь: структуру человеческого характера, его особенности и скрытые возможности и современные социальные, политические и экономические проблемы. Акценты смещаются от одного раздела к другому, но на протяжении всей книги преследуется главная цель — объединить их, связать воедино их обсуждение. Это сделано в полной уверенности, что реалистичный и успешный подход к проблемам современного американского общества возможен только в том случае, если в анализ целостной социальной системы включить то, что именуется в данной книге «система Человек». Надеюсь, что в ответ читатель преодолеет привычку разлагать рассматриваемый предмет на составные части и ему не покажется таким уж трудным сопровождать меня, когда я перескакиваю с «психологии» на «социологию» и «политику» и обратно.

Остается выразить мою благодарность тем, кто неоднократно прочитал всю рукопись и внес ряд редакционных замечаний. Это Рут Нанда Аншен, моя жена, и Раймонд Г. Браун, который, кроме того, помог мне ценными советами по экономике. Также хочу выразить свою признательность издателям за их усилия, благодаря которым стало возможным опубликовать книгу через десять недель после представления рукописи.

Э. Ф.

Глава I НА РАСПУТЬЕ

Призрак бродит среди нас, но ясно видят его лишь немногие. Это не прежний призрак коммунизма или фашизма. Этот новый призрак — полностью механизированное общество, нацеленное на максимальное производство материальных благ и их распределение, управляемое компьютерами. В ходе его становления человек, сытый и довольный, но пассивный, безжизненный и бесчувственный, все больше превращается в частицу тотальной машины. С победой нового общества исчезнут индивидуализм и возможность побыть наедине с собой; чувства к другим людям будут задаваться человеку с помощью психологических и прочих средств или же с помощью наркотиков, которые также представляют новый вид интроспективного переживания. Збигнев Бжезинский выразил это так: «В технотронном обществе, видимо, будет наблюдаться тенденция собирать воедино поддержку миллионов разобщенных граждан под непосредственным влиянием притягательных и привлекательных личностей, эффективно использующих новинки средств связи

для манипулирования эмоциями и контроля над разумом»¹. Этот новый тип общества был предсказан Оруэллом в его фантазии «1984» и Олдосом Хаксли в книге «О дивный новый мир».

Пожалуй, наиболее зловещая черта настоящего состоит в том, что мы, похоже, утрачиваем контроль над собственной системой. Мы выполняем решения, которые принимают за нас электронные машины. У нас — человеческих существ — нет других целей, кроме все большего производства и потребления. Мы ничего не желаем, но и ничего не не желаем. Нам угрожают вымирание в результате применения ядерного оружия и внутренняя омертвелость из-за пассивности, исключаящей нас из числа тех, кто принимает решения.

Как же это случилось? Как же человек, одержавший полную победу над природой, превратился в узника собственных творений, да еще и с угрозой уничтожения самого себя?

В поисках научной истины человек нечаянно добыл знания, которые сумел использовать для господства над природой. Успех был огромным. Но односторонне сосредоточившись на технике и потреблении материальных благ, человек утратил контакт с самим собой, с жизнью. Расставшись с религиозной верой и связанными с ней гуманистическими ценностями, он сконцентрировался на ценностях технических и материальных и лишился способности испытывать глубокие эмоци-

¹ The Technotronic Society // Encountev. V. XXX. N 1. 1968. Jan. P. 19.

ональные переживания, радость и сопровождающую ее грусть. Созданная человеком машина оказалась настолько могущественной, что стала развиваться по собственной программе, определяя образ мысли самого человека.

В настоящий момент одним из тяжелейших симптомов болезни нашей системы является то, что наша экономика покоится на производстве вооружения (и поддержании всего оборонного комплекса), а также на принципе максимального потребления. У нас хорошо отлаженная экономическая система, но обусловлена она тем, что мы производим товары, угрожающие уничтожить нас физически, что мы превращаем индивида в совершенно пассивного потребителя и тем самым омертвляем его и что мы создали бюрократию, вынуждающую человека чувствовать себя бессильным.

Не стоим ли мы перед лицом трагической, неразрешимой дилеммы? *Надо ли нам производить больных людей во имя здоровой экономики или мы можем поставить наши материальные ресурсы, изобретения, компьютеры на службу человеку? Стоит ли людям оставаться пассивными и зависимыми во имя сильной, хорошо отлаженной организации?*

На эти вопросы даются различные ответы. Среди тех, кто признает, что «мегамашина» могла бы привнести в человеческую жизнь революционные, коренные изменения, есть авторы, заявляющие, что поскольку новое общество неизбежно, то нет смысла спорить о его качествах. В то же время они симпатизируют новому обществу, хотя и выражают некоторые опасения насчет того, что оно

может сделать с человеком — таким, каким мы его знаем. Выразителями этой позиции являются Збигнев Бжезинский и Г. Кан. На другом конце спектра находится Жак Эллюль, весьма убедительно описывающий в «Технологическом обществе» новое общество, к которому мы приближаемся, и его разрушительное воздействие на человека. Он смело смотрит в лицо мертвящему призраку бесчеловечности. Он не считает, что новое общество непременно победит, хотя и думает, что, выражаясь на языке вероятности, оно, скорее всего, победит. Но он видит и возможность того, что дегуманизованное общество, может быть, и не станет победителем, «если все возрастающее число людей осознает, какую угрозу несет технологический мир для личностной и духовной жизни человека, и если они решатся отстаивать свою свободу вопреки ходу его развития»¹. Позицию Льюиса Мэмфорда можно считать сходной с позицией Эллюля. В его глубокой и блестящей работе «Миф о машине»² он описывает «мегамашину», впервые давшую о себе знать в египетском и вавилонском обществах. Однако в отличие от тех, кто, подобно ранее упомянутым авторам, признает существование этого призрака — не важно, с симпатией или ужасом, — большинство людей как в верхних эшелонах власти, так и рядовых граждан просто не замечают никакого

¹ Французское издание 1954 г., американское издание 1964 г., издание Альфреда Кнопфа и первое издание Vintage Books 1967 г., с. XXX.

² *Mumford L. The Myth of the Machine. New York, 1966.*

призрака. У них сохранилась позаимствованная из XIX века старомодная уверенность в том, что машина поможет человеку облегчить тяготы жизни, что она останется средством достижения цели. Они не видят опасности того, что если позволить технологии следовать своей собственной логике, она разрастется как раковая опухоль, угрожающая в конечном счете сложившейся системе индивидуальной и социальной жизни. Позиция, выраженная в этой книге¹, в принципе, такая же, как у Мэмфорда и Эллюля. Отличие, пожалуй, в том, что я усматриваю несколько бóльшую возможность вернуть социальную систему под контроль человека. Мои надежды в этом плане основываются на следующих обстоятельствах.

1. Современную социальную систему можно понять гораздо лучше, если систему «Человек» увязать с системой в целом. Человеческая природа — это не абстракция, но и не бесконечно податливая система, которой можно, грубо говоря, пренебречь. У нее есть специфические черты, законы и противоречия. Изучение системы «Человек» позволяет нам понять, какие особенности социально-экономической системы воздействуют на человека, как расстройство системы «Человек» приводит к расстройству всей социальной системы. Вводя человеческий фактор в анализ целостной системы, мы лучше подготовимся к тому, чтобы понять ее дисфункциональность и определить

¹ Как, впрочем, и в «Бегстве от свободы» и «Здоровом обществе».

те нормы, которые соотносят нормальное функционирование экономики с оптимальным благополучием занятых в ней людей. Разумеется, все это имеет смысл только в том случае, если достигнуто согласие, что максимальное развитие человеческой системы с точки зрения ее собственной структуры, то есть человеческое благополучие, — это всеобъемлющая цель.

2. Возрастающая неудовлетворенность нашим нынешним образом жизни, ее пассивностью и невыразимой скукой, недостатком уединенности и деперсонализацией и страстное желание исполненного радости осмысленного бытия, отвечающего специфическим потребностям человека, которые он развил за последние несколько тысячелетий своей истории и которые отличают его от животного точно так же, как и от компьютера. Эта тенденция все усиливается, ибо значительная часть населения, уже вкусив полного удовлетворения материальных потребностей, обнаружила, что потребительский рай не приносит обещанного счастья. (Конечно, у бедняков пока еще не было возможности это обнаружить, разве что наблюдая отсутствие радости у тех, у кого «есть все, что мог бы пожелать человек».)

Идеологии и концептуальные схемы в значительной степени утратили свою привлекательность; традиционные cliché's типа «правые—левые», «коммунизм—капитализм» потеряли свое значение. Люди ищут новые ориентиры, новую философию, отдающую приоритет жизни, как физической, так и духовной, а не смерти.

В Соединенных Штатах, да и во всем мире наблюдается все возрастающая поляризация между приверженцами силы, «закона и порядка», бюрократических методов и в конечном счете не-жизни и теми, кто жаждет жизни, нового отношения к ней вместо готовых схем, выполненных под копирку. Этот новый фронт представляет собой движение, сочетающее в себе стремление к глубоким изменениям в экономической и социальной практике с изменениями в психическом и духовном отношении к жизни. В наиболее общем виде цель его — в активизации индивида, в восстановлении контроля со стороны человека над социальной системой, в гуманизации технологии. Это движение во имя жизни; и у него столь широкая общая основа потому, что угроза жизни сегодня — это угроза не одному классу или одной нации, а всей цивилизации.

В следующих главах предпринята попытка подробно обсудить некоторые из представленных здесь проблем, особенно касающиеся отношений между человеческой природой и социоэкономической системой.

Однако с самого начала надо внести ясность в один вопрос. Сегодня широко распространено настроение безнадежности относительно возможности изменить принятый нами курс. Эта безнадежность остается по преимуществу неосознанной, в то время как сознательно люди сохраняют «оптимизм» и возлагают надежды на дальнейший «прогресс». Прежде чем рассматривать современную ситуацию и возможности для надежды, следует сначала обсудить феномен надежды.

Глава II

НАДЕЖДА

1. ЧТО НЕЛЬЗЯ СЧИТАТЬ НАДЕЖДОЙ

Надежда — это решающий элемент в любой попытке осуществить социальные изменения в направлении большей жизненности, осознанности и разума. Но суть надежды зачастую понимают неверно и путают с установками, не имеющими ничего общего с надеждой, а то и прямо противоположными ей.

Что же значит «надеяться»?

Означает ли это, как многие думают, хотеть, желать? Если бы так и было, тогда те, кто страстно желает иметь машины, дома и прочую ерунду, причем побольше и получше, — были бы носителями надежды. Но это не так; это люди, жаждущие все большего потребления, а не носители надежды.

Не в том ли дело, что объект надежды — не вещь, а более полная жизнь, состояние большей жизненности, освобождение от вечной скуки, или, говоря теологическим языком, спасение, а применяя политический термин, революция? Действительно,

такого рода ожидание могло бы стать надеждой, если только оно не характеризуется внутренней пассивностью, когда «ожидание чего-то» длится до тех пор, пока надежда не превратится в фактическое прикрытие покорности, в идеологию покорности.

В одном из эпизодов романа «Процесс» Кафка превосходно описал эту разновидность смиренной и пассивной надежды. Человек подходит к воротам, ведущим в небесное царство (Закон), и просит привратника пропустить его. Привратник говорит, что в данный момент не может пропустить человека. И хотя дверь, ведущая к Закону, остается открытой, человек решает, что ему лучше подождать, когда он получит разрешение войти. Итак, он садится и ждет день за днем, год за годом. Снова и снова он спрашивает, нельзя ли ему войти, и всегда получает ответ, что ему это все еще не позволено. На протяжении всех этих долгих лет человек постоянно изучает привратника, узнает даже, что в его меховом воротнике блохи. В конце концов ожидающий состарился. И перед лицом смерти он в первый раз задает вопрос: «Как же случилось, что за все эти долгие годы никто, кроме меня, не требовал, чтобы его пропустили?» Привратник отвечает: «Никому сюда входа нет, эти ворота были предназначены для тебя одного. Теперь пойду и запру их».

Старик был слишком стар, чтобы понять это, а может быть, не понял бы и в том случае, если бы был моложе. Последнее слово — за бюрократами: если они говорят «нет», он не может войти. Если

бы у него было нечто большее, чем пассивная, выжидающая надежда, он бы вошел, и то, что он осмелился проигнорировать бюрократов, стало бы актом освобождения, который привел бы его в сияющий дворец. Многие люди похожи на описанного Кафкой старика. Да, они надеются, но не склонны действовать по зову сердца, и, пока бюрократы не дадут им «зеленый свет», они продолжают ждать¹.

Эта разновидность пассивной надежды чрезвычайно близка той обобщенной ее форме, которую можно описать как упование на *время*. Время и будущее становятся центральной категорией такого вида надежды. С *настоящим* не связываются никакие ожидания, они относятся только на следующий момент, следующий день, следующий год или даже в мир иной, если представляется слишком невероятным, что надежду можно реализовать и в этом мире. За подобной верой кроется поклонение Будущему, Истории, Потомкам, ведущее свое начало из времен Французской революции от людей, подобных Робеспьеру, которые почитали будущее как божество: я ничего не делаю; я остаюсь пассивным, потому что я — ничто, я бессилен; а вот будущее, проекция во времени зовет к жизни то, чего я не могу достичь. Поклонение «будущему», составляющее другую сторону поклонения «прогрессу» в современной буржуаз-

¹ Испанское слово «esperar» означает одновременно и «ждать», и «надеяться»: совершенно ясно, что оно соответствует тому особому виду пассивной надежды, который я пытаюсь обрисовать здесь.